

Уже получивший титул князя Жуй, Двенадцатый принц вновь завёл разговор о том, чтобы Лю Чи отказался от своего прежнего плана.

— Я уже получил титул князя, Малыш Угорь, больше не... — Двенадцатый принц прижал пальцы к кружившейся от выпитого вина голове. — Больше не связывайся с ним.

Заметив, что принц хмелен, Лю Чи протянул руку, желая забрать стоявшую рядом с ним бутылку с вином, пока тот не смахнул её на пол, но Двенадцатый принц резким движением схватил его за запястье.

— Я увезу тебя отсюда сегодня же, и с этого момента... — Двенадцатый принц сжал руку Лю Чи, пробормотал что-то неразборчивое, а затем поднял на него взгляд и улыбнулся: — С этого дня у тебя начнётся новая жизнь, хорошо?

Лю Чи высвободил руку, легко улыбнулся в ответ и произнёс:

— Нет.

Даже став князем Жуй, Двенадцатый принц не мог полностью решить проблему происхождения Лю Чи. Тот мог оставить в прошлом всё, что было раньше, и начать новую жизнь, но лишь в роли приближённого князя Жуй.

Только вернув официальное признание клана маркиза, он добился бы того, чтобы никто больше не смел попрекать его происхождением. К тому же, теперь, когда статус Двенадцатого принца неуклонно рос, самому Лю Чи следовало держаться от него как можно дальше.

Нельзя было позволить слухам о порочной связи князя Жуй и продажного юноши продолжаться и дальше, да и такой союзник, как Резиденция князя Чэн, был ему жизненно необходим...

Лю Чи мог найти тысячу и одну причину для подобного решения, но в глубине души главной причиной, пожалуй, оставалась та самая гордость Лю Чи — некогда растоптанная и стёртая в порошок, которая теперь поднимала голову: он вовсе не желал провести всю свою жизнь лишь безвольным приложением к Двенадцатому принцу.

Проснувшись на следующее утро, он чувствовал себя так, будто голова раскалывается на части. Лю Чи ещё никогда в жизни не пил столько вина, и самым ярким воспоминанием прошлой вечера было то, как он, обхватив руками кадку для воды, отчаянно и непрерывно выворачивал наизнанку желудок.

Лю Чи сполз с кровати и, осушив подряд две чаши холодной воды, с трудом почувствовал, как в пересохшем горле немного полегчало.

Двенадцатый принц нахмурился — он явно был не в силах взять в толк, почему Лю Чи так упорно отказывается.

Опьянение ещё не до конца отступило, мир вокруг кружился, и ему стоило немалых трудов сосредоточить взгляд.

Лю Чи сгрёб в ладони раскалывающуюся голову, окинул взглядом прибранную комнату и с горьким осознанием понял, что Шэн Юньгуй — настоящий алкоголик, и ему самому не следовало поддаваться на уговоры и пить с ним наравне.

Какая же мука...

Стоило ему заявить об этом, как Двенадцатый принц тотчас умолкал, совершенно не зная, что с ним делать.

Хо Цунцзин помог ему подняться, но, услышав эти слова, едва не рассмеялся от злости.

Правда, Лю Чи крайне редко обращался к нему по имени, предпочитая звать просто Двенадцатым.

Личное имя Двенадцатого принца — Шэн Юньгуй.

Даже если впереди его ждала полная лишений и боли жизнь.

— Юньгуй... — тихо позвал Лю Чи.

Он бессильно опустился на стул, прижимая ладони к пульсирующей от боли голове, и в очередной раз проклял себя за то, зачем его вообще дернуло искренне и от всей души пить вино с Двенадцатым принцем.

В конце концов расстроенный до предела Двенадцатый принц попросту напоил Лю Чи до бесчувствия.

Увидев хмурый взгляд Хо Цунцзина и его лицо, тронутое едва заметным гневом, Лю Чи приоткрыл рот и виновато выдавил:

— У меня голова болит...

Заглянув к нему поутру, Хо Цунцзин застал Лю Чи: тот, согнувшись над водяной кадкой, хрипло и надрывно рвал. Правда, проснувшись, Лю Чи успел только напиться воды и ничего не ел, так что извергать ему удавалось лишь прозрачную водянистую жидкость.

— Ты что... перепил? — Хо Цунцзин нахмурился и мягким, заботливым движением погладил его по спине.

Каждый раз, когда он произносил личное имя Двенадцатого принца, по своему значению это было практически равносильно мольбе о пощаде: «умоляю тебя».

Двенадцатый принц, надо полагать, приведя его в порядок, ещё имел в запасе столько сил, что спокойно укатил посреди ночи в своей карете.

Ощувив, что в желудке больше ничего не осталось, Лю Чи прополоскал рот и лишь после этого с растерянным видом поднял глаза на Хо Цунцзина.

— Завтра... Завтра я в последний раз увижусь с этим человеком, — пробормотал он.

Как он вообще смел вымаливать у него жалость с помощью подобных уловок?

Но, видя бледное, поникшее лицо Лю Чи и его уныло опущенную голову, Хо Цунцзин всё равно чувствовал, что злиться на него невозможно.

Подумаешь, выпил! Возвращаясь с победой, он и сам частенько напивался вдрызг со своими боевыми товарищами, так с какой стати запрещать это делать Лю Чи?

Убедив себя, Хо Цунцзин смягчился в лице, хотя угрюмое выражение всё же осталось, и, подхватив Лю Чи на руки, уложил его на кровать.

Лю Чи от слабости тут же закружилась голова, и он не смог подняться.

Впрочем, подниматься он и не собирался — это была чистой воды игра в жалость.

Хо Цунцзин приходился ему щедрым спонсором, оплачивавшим его общество на месяц вперед. Сейчас же этот самый покровитель ходил с мрачной тучей на лице, а Лю Чи чувствовал себя слишком скверно, чтобы пытаться его ублажать, поэтому он просто уткнулся лицом в постель, изображая несчастную жертву.

Но неужели грозный Генерал, подавляющий Восток позволил бы какому-то тихому стону и жалкому зрелищу сбить себя с толку?

Да, именно так он и сделал.

Хо Цунцзин тяжело вздохнул, перевернул Лю Чи на спину, придвинул к кровати стул и принялся массировать ему виски.

Техника у него была превосходная — Лю Чи мгновенно почувствовал облегчение.

Прикрыв глаза и отдавшись во власть умелых рук Хо Цунцзина, он с наслаждением блаженствовал какое-то время, но потом, словно о чём-то вспомнив, тихо предупредил:

— Завтра можешь не приходить.

— Это ещё почему? — Руки Хо Цунцзина замерли.

— Мне нужно кое-куда отлучиться... И в ближайшие несколько дней тоже не приходи, — вяло пробормотал Лю Чи.

— А если я откажусь? — Хо Цунцзин слегка ущипнул его за нос.

Лю Чи скривился, смахнул его руку и пробурчал в ответ:

— Тогда пойду туда в следующем месяце.

Тон Лю Чи звучал предельно беззаботно, но непогрешимая интуиция Хо Цунцзина безошибочно подсказала ему: от его собственного ответа зависело очень многое.

— Хочешь идти — ступай, сидеть целыми днями взаперти тоже не дело, — улыбнулся Хо Цунцзин.

Лю Чи просиял. Он приподнялся, обвив руками шею Хо Цунцзина, и звонко чмокнул его в щеку.

Голосок содержанца звучал приторно и сладко:

— У меня кружится голова, побудь со мной, приляг рядом.

И надо же было такому случиться! Хо Цунцзин даже не припомнил, когда в последний раз Лю Чи баловал его подобными нежностями.

Поддавшись, он устроился рядом на постели. Лю Чи, повернувшись на бок, прижался к его груди и закрыл глаза, и в комнате тотчас воцарилась тишина.

Хо Цунцзин вновь вспомнил тот полуденный час, когда они вместе выезжали на конную прогулку, и то, как они заснули на мягкой траве — тогда стояла точно такая же безмятежная тишина.

Опустив взгляд на безмятежно спящее лицо Лю Чи, он легко коснулся пальцами его волос.

Проведя несколько дней под домашним арестом у князя Увэй, Хо Цунцзин не размышлял о том, почему тогда Лю Чи намеренно проигнорировал его знаки внимания, хотя оба они прекрасно знали, что тот не спал.

Просто для Лю Чи цена ошибки была слишком высока.

Даже искренне веря в то, что Хо Цунцзин и впрямь увлёкся им, он не мог позволить себе ставить всю свою жизнь на карту мимолётного увлечения.

Для Хо Цунцзина это были простые понятия: нравится или не нравится. Каким бы ни был исход, он оставался приемным сыном князя Увэй, влиятельным и могущественным Генералом, подавляющим Восток. Для Лю Чи же один неверный шаг означал падение в бездонную пропасть.

Хо Цунцзин прекрасно понимал его: он не мог дать Лю Чи пустых гарантий на всю оставшуюся жизнь.

И потому теперь ему хотелось сделать так, чтобы Лю Чи полюбил его по собственной воле.

Белый дневной свет струился сквозь щёлку в плотных шторах, разрезая сумрак комнаты тонким лучом. На улице стоял разгар солнечного дня, но эта комната, казалось, была навечно укрыта от лучей солнца.

Полежав с открытыми глазами какое-то время, Хо Цунцзин внезапно почувствовал, что начинает понимать истинный смысл своего недавнего ответа.

Он мог бы принудить Лю Чи силой, воспользовавшись правом его покровителя — и тогда Лю Чи беспрекословно подчинился бы. Но, выбрав для него свободу действий, он дал понять, что видит в нём равного себе человека... друга, а не товар для утех.

Осознав, что поступил абсолютно верно, Хо Цунцзин не смог сдержать улыбки.

Неплохо.

До наступления темноты Хо Цунцзина вновь выставили за дверь — вовсе не потому, что собирался явиться Двенадцатый принц (напротив, Лю Чи был уверен, что этот паршивец сейчас завален делами по горло и свободной минуты у него нет).

Зажглась лампа в кабинете. Сидя за столом, Лю Чи заново, слово за словом, переписал то самое послание, которое некогда передал через Двенадцатого принца наследнику князя Чэна.

Это письмо понадобится ему уже завтра.

Закончив, Лю Чи дважды перечитал исписанный лист, удостоверился в отсутствии ошибок и медленно, аккуратно сложил его.

На следующее утро неприметная карета остановилась у массивных ворот Резиденции Государственного наставника.

Лю Чи беспрепятственно миновал главные ворота и вошёл во внутренний двор Резиденции Государственного наставника — никто не попытался преградить ему путь.

Управляющий встретил его на пороге и с весьма странным выражением лица окинул гостя взглядом:

— Господин Лю.

— Где наставник? — прямо спросил Лю Чи.

— Старый господин в кабинете, — коротко бросил управляющий, после чего послушно опустил глаза и молча повел его за собой.

Резиденция Государственного наставника Соц Лэшаня.

Лю Чи уже начал отвыкать от этого места. Задавлив глухое, неприятное предчувствие в груди, он с бесстрастным лицом замер у дверей кабинета в ожидании доклада.

— Войди.

Услышав подзабытый голос Сун Лэшаня, Лю Чи чуть сузил глаза, чувствуя, как от внезапного напряжения на миг перехватило дыхание.

Он переступил порог, и управляющий за его спиной бесшумно затворил створки дверей.

Кабинет не назовешь тесным, но ряды книжных шкафов и горы фолиантов создавали ощущение тесноты и давления.

Окна выходили на солнечную сторону, давая достаточно света, но после ослепительного сияния улицы Лю Чи показалось, что здесь царит промозглый полумрак.

Средних лет мужчина, излучавший внешнюю утонченность и образованность, сидел за письменным столом и разглядывал вошедшего взглядом, которым обычно оценивают не

слишком удачную вещицу.

— Зачем ты пожаловал? — Сун Лэшаню уже перевалило за сорок, но годы не оставили на нем следа старости; в народе люди в его возрасте уже нянчили внуков и величали себя не иначе как «старик».

Лю Чи слабо усмехнулся:

— Пришёл взглянуть на тебя в последний раз.

— Полагал, ты больше не захочешь со мной видеться. В конце концов, стоило мне потерять бдительность, как Двенадцатый принц стал князем Жуй, — холодно ухмыльнулся Сун Лэшань.

— Со временем он станет и Императором, — парировал Лю Чи и протянул ему заготовленный лист бумаги. — У меня есть план, который, возможно, тебя заинтересует.

Сун Лэшань взял бумагу, пробежал глазами текст и, бросив на Лю Чи странный, двусмысленный взгляд, поинтересовался:

— Что это значит?

— Позор знатного рода, преступление против человеческой природы и морали... Разве не этого ты так жаждал? — тихо произнес Лю Чи.

Сун Лэшань рассмеялся:

— Ты прав.

Он швырнул исписанный лист прямо в тушечницу, наблюдая, как бумага жадно впитывает чернила, превращаясь в сплошной угольно-чёрный ком, и добавил:

— Я одобряю этот замысел.

Камень свалился с души Лю Чи.

Хотя у него и раньше была уверенность, что Сун Лэшань клюнет на эту удочку, до того момента, как Двенадцатый принц получил титул князя, дело не могло продвигаться так гладко.

Возвышение Шэн Юньгуя до статуса князя Жуй означало, что отныне Лю Чи больше не находился в кабале.

Это давало ему внутреннюю свободу не зависеть от воли Сун Лэшаня: согласен тот или нет, но это была их последняя встреча.

— Тогда я пойду, — без малейшего колебания произнес Лю Чи.

Сун Лэшань небрежно взмахнул рукой, жестом отпуская его.

Однако не успел Лю Чи дойти до выхода, как Сун Лэшань резко поднялся на ноги. Его взгляд скользнул по луку, висевшему на стене.

Он снял его с крюка, вытащил из стоявшего рядом колчана стрелу и, натянув тетиву, прицелился точно в спину уходящему Лю Чи.

<http://bllate.org/book/21314/2162817>